

Философские измерения цифровой культуры

УДК 129

DOI: 10.17726/philIT.2015.9.1.129

МОЖЕТ ЛИ БЕССМЕРТИЕ БЫТЬ ЦЕЛЬЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ УСТРЕМЛЕНИЙ? (ОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕИ БЕССМЕРТИЯ В РУССКОМ КОСМИЗМЕ И В ТРАНСГУМАНИЗМЕ)

Демин Илья Вячеславович,

кандидат философских наук,

доцент кафедры философии и истории,

ФГАОУ ВО «Самарский государственный аэрокосмический

университет имени академика С.П. Королева

(национальный исследовательский университет)»,

Самара, Россия

ilyadem83@yandex.ru

Аннотация. Выявляются особенности интерпретации идеи бессмертия в философии русского космизма и в современном трансгуманизме. Проводятся параллели между христианской и трансгуманистической трактовками идеи бессмертия. Уникальность философского учения Федорова и русского космизма в целом заключается в том, что никогда прежде в философии и религии преодоление смерти и обретение бессмертия не рассматривалось в качестве проекта и цели человеческого существования. В современном трансгуманизме центральная идея русского космизма, идея активно достижимого бессмертия, приобретает конкретные черты, трансформируется в проекты «кибернетического бессмертия» и «антропоконструирования». Точка зрения русского космизма и трансгуманизма по вопросу о бессмертии находится в стороне от магистрального для новоевропейской культурной традиции спора между религией и секулярным гуманизмом. В русском космизме и в трансгуманизме речь идет не о вере в бессмертие, но о практическом его достижении. Бессмертие в философии Федорова и в трансгуманизме полагается в качестве принципиально достижимой для человека цели. Бессмертие – это решение и выбор существующего человека, а не награда за заслуги или простое «свойство» человеческой природы. Но и смерть, смертность в глубочайшем, предельном смысле – это тоже выбор человеческого существа, а не простая данность.

Ключевые слова: русский космизм, философия общего дела, трансгуманизм, кибернетическое бессмертие, антропоконструирование, иммортилизм.

CAN IMMORTALITY BE A TARGET OF MAN'S INTENTIONS? (UNDERSTANDING THE IDEA OF IMMORTALITY IN RUSSIAN COSMISM AND TRANSHUMANISM)

Demin Ilya V.

*Associate professor, Department of Philosophy and History,
Samara State Aerospace University,
Samara, Russia
ilyadem83@yandex.ru*

Abstract. The particular interpretations of the idea of immortality in the philosophy of Russian cosmism and modern transhumanism are identified. The parallels between Christian and transhumanist interpretations of the idea of immortality are drown. The uniqueness of the Fedorov's philosophical teachings and Russian cosmism is generally the fact that overcoming death and the attainment of immortality have never been considered as a project and purpose of human existence in philosophy and religion. The central idea of Russian cosmism in the modern transhumanism (the idea of immortality) transform into the projects of "cybernetic immortality" and "anthropo-construction". The point of view on the immortality in Russian cosmism and transhumanism is aside from the main for new European cultural tradition dispute between religion and secular humanism. In Russian cosmism and transhumanism it is not the question of the belief in immortality, but the problem of its practical achievement. The immortality in the Fedorov's philosophy and transhumanism is viewed as a fundamentally achievable target. Immortality – is the decision and the choice of the person, but not a reward for merits or a simple "property" of human nature. But death, mortality in the deepest ultimate sense are also the choice of the human being, but not a simply given.

Keywords: Russian cosmism; philosophy of common cause; transhumanism; cybernetic immortality; anthropo-construction; immortalism.

Мысль о том, что философия русского космизма является одним из главных источников современных трансгуманистических идей, неоднократно высказывалась в исследовательской литературе [1; 2; 3] и в целом не вызывает особых сомнений. Более важно подчеркнуть, что сравнительное изучение и осмысление философских идей русского космизма и современных трансгуманистических проектов может дать интересные и плодотворные

результаты. Задача заключается в том, чтобы, с одной стороны, актуализировать философское наследие русского космизма, переосмыслив его в перспективе трансгуманизма, с другой стороны – прояснить и фундировать некоторые трансгуманистические идеи, поместив их в релевантный философский контекст.

В данной статье мы рассмотрим вопрос о том, может ли бессмертие полагаться в качестве цели человеческих устремлений и может ли оно быть осмыслено в качестве специфического «проекта». Положительный ответ на оба поставленных вопроса сближает русский космизм с трансгуманизмом и, одновременно, определяет уникальное место и особую актуальность этих идейных течений в современном мировоззренческом контексте. Такова наша гипотеза, которой предстоит подтвердиться в ходе дальнейшего рассмотрения.

В контексте различных религиозных и философских учений о смерти и бессмертии русскому космизму и его основателю Н.Ф. Федорову принадлежит особое место. А.П. Огурцов различает четыре типа религиозно-философских и философских учений о бессмертии: 1) эйдетический, в котором бессмертие обуславливается возможностью приобщения к миру «вечных идей», 2) христианский, связывающий бессмертие с Воскресением (как актом божественной, а не человеческой воли), 3) натуралистический, в котором бессмертие мыслится как «вечность» первоначал материи (атомов, генетического кода и пр.), 4) социокультурный, усматривающий в бессмертии непреходящее значение тех или иных произведений или деяний личности [4: 251]. Можно ли отнести федоровское учение о бессмертии к одному из этих четырех типов? Даже самого беглого знакомства с текстами русских космистов достаточно для того, чтобы отрицательно ответить на этот вопрос. Н.Ф. Федоров и другие представители русского космизма (В.Н. Муравьев, Н.А. Сетницкий, А.К. Горский и др.), пожалуй, впервые в истории философской мысли подвергли радикальной критике положение о «естественноти» и неизбежности смерти и поставили вопрос о необходимости ее преодоления.

В современном трансгуманизме центральная идея русского космизма, идея активного (активно достигаемого, «проективного») бессмертия приобретает конкретные черты, трансформируется в проекты «кибернетического бессмертия» [5; 6; 7; 8] и «антропоконструирования» [9; 10; 11]. В контексте трансгумани-

стического мировоззрения на первый план выходят задачи преодоления биологической обусловленности человеческого существа и достижения бессмертия. Эти сверхзадачи теснейшим образом связаны между собой: человек смертен, поскольку субстратом его личности (сознания, разума) выступает биологический организм. Человек смертен вследствие своей биологической природы. Преодоление биологической обусловленности, предполагающее перенос сознания/личности/разума на небиологический носитель/субстрат (кибернетическое бессмертие), – это задача одновременно и более широкая и более узкая, чем преодоление смерти. В любом случае, речь идет о радикальном изменении, преображении, трансформации самой природы человеческого существа. В этом – суть трансгуманистического мировоззрения и трансгуманистического проекта будущего.

Важнейший принцип философии русского космизма, в общих чертах унаследованный современными трансгуманистами, – это иммортализм, отрицание необходимости и неизбежности смерти. Практическая установка, вытекающая из принятия этого принципа, – это борьба со смертью.

Н.Ф. Федоров в своей «Философии общего дела» развивает и существенно модифицирует традиционное для европейской культуры христианское понимание смерти как главного источника человеческих страданий: «Смертность, – пишет он, – есть общее выражение для всех бед, удручающих человека, и вместе с тем она есть сознание своей зависимости от силы, могущество которой человек чувствовал в грозах и бурях, в землетрясениях, зное, стуже и т.п., а границ ей не видел» [12: 252]. Смерть представляет собой зависимость человека от внешней по отношению к нему и враждебной ему природной стихии. Главным злом объявляется сам «существующий онтологический статус человека и природы, мироздания вообще, которое подвержено закону конечности и смерти» [13: 161].

Н.Ф. Федоров, как и другие представители русского космизма, видит в смерти не просто основное зло и источник всякого зла, но главное злодеяние. «Самое общее, общее для всех зла, или, точнее, злодеяние, есть смерть» [14: 204]. «Злодеяние» смерти проявляется не только в конкретных действиях человека, несущих или «приближающих» смерть, но и в недеянии, в бездействии перед лицом смерти. Именно с нежеланием признавать тот факт,

что смерть есть не просто зло, но именно зло-деяние, к которому вольно или невольно причастны все живущие, Н.Ф. Федоров связывает негласное табу на обсуждение и научное изучение вопроса о путях преодоления смерти.

Такое положение дел, при котором не только наука, но и вся человеческая цивилизация безмолвствует и смиряется перед фактом смерти, неприемлемо как для русских космистов, так и для сторонников трансгуманистического проекта. В смерти они усматривают источник всякого зла, но, в отличие от огромного большинства других философов, полагают, что человек не должен мириться с этим злом, он призван его одолеть. При этом победа над смертью должна достигаться не только на путях нравственного и религиозного совершенствования личности, но и посредством научного познания и технического преображения природы и человека [15; 16]. В этом заключается основное отличие идеи бессмертия в русском космизме и в трансгуманизме от ортодоксальных христианских представлений о бессмертии. Одной лишь религиозной веры в «бессмертие души», как неоднократно подчеркивали представители русского космизма, недостаточно, необходимо активное осуществление проекта и идеала бессмертия [17]. При этом «активность» в деле преодоления смерти не сводится только к духовной сфере, но предполагает изменение (преображение) самого материального субстрата человеческого существования.

В контексте русского космизма основной источник зла и страданий усматривается не в *общественном устройстве*, а в *смерти, смертности человека*. Представители этого направления дистанцируются от разного рода социальных утопий и проектов построения «земного рая» (утопический социализм, марксизм). «Те, которые хотели *смертного* сделать *счастливым*, – пишет Н.Ф. Федоров, – смешивая счастье с богатством, именно не знали действительной общей причины человеческих бедствий» [12: 201] (курсив Федорова – И.Д.). Переустройство общества на каких угодно началах само по себе не приближает нас к решению ключевой проблемы – проблемы смерти. Корень зла не в несправедливом общественном устройстве, а в «бессознательной», слепой, неподвластной человеку, а потому *смертоносной* для него природной стихии.

Источник смертности человеческого существа Н.Ф. Федоров усматривает в зависимости человека от слепых хаотичных сил

природы, неподвластных человеку: «Смерть есть следствие зависимости от слепой силы природы, извне и внутри нас действующей и нами не управляемой; мы же признаем эту зависимость и подчиняемся ей» [18: 250]. Человек смертен, *поскольку он зависит от слепых природных стихий* и поскольку он сам является их проводником.

В других фрагментах «Философии общего дела» сущность смерти эксплицируется в качестве *стихийной смены одних существ (и/или поколений) другими* [18: 300]. Смерть – это всегда *вытеснение, поглощение или замещение* одних другими. Бессмертие же мыслится как *существование лиц (личностей)*.

Самая существенная и глубокая трактовка смерти содержится, пожалуй, в следующих словах Н.Ф. Федорова: «Смерть есть просто результат или выражение несовершеннолетия, несамостоятельной, несамобытной жизни, неспособности к взаимному восстановлению или поддержанию жизни» [18: 106]. Иначе говоря, смерть – это выражение неспособности человека к восстановлению и поддержанию *своей жизни и жизни как таковой*. Данная формулировка предполагает, что смерть, вопреки расхожему мнению, вовсе не является обратной стороной жизни, ее «естественному» и «закономерному» итогом. Человеческая жизнь всякий раз *находится под угрозой смерти*, но из этого еще не следует с необходимостью, что смерть представляет собой сущностную характеристику человеческого существования как такового. На основании приведенного фрагмента можно заключить, что сущностная черта «бессмертия» заключается в способности к *неограниченному восстановлению и бесконечному поддержанию* жизни.

Эта же мысль воспроизводится в несколько иной формулировке и в текстах современных теоретиков трансгуманизма. Так, А.В. Турчин пишет: «Необратимость смерти для сложноорганизованных живых существ состоит <...> в том, что разрушения становятся сильнее встроенных в организм систем саморегенерации» [19]. Но эта «необратимость смерти», как показывает автор, является *мнимой*, она – лишь следствие нашей «косности».

Ключ к проблеме бессмертия, как она понимается в русском космизме и в трансгуманизме, – в осознании смерти как *неспособности* человека/системы/организма к дальнейшему *поддержанию* своего существования, то есть к *самовосстановлению, самообновлению, саморегенерации*.

Н.Ф. Федоров порывает с устоявшимся представлением, согласно которому смерть является одним из сущностных параметров человеческого существования: «Смертность есть индуктивный вывод; она значит, что мы сыны множества умерших отцов; но как бы ни было велико количество умерших, оно не может дать основание к безусловному признанию смерти <...>. Смерть есть свойство, состояние, обусловленное причинами, но не качество, без коего человек перестает быть тем, что он есть и чем должен быть» [14: 364]. Смерть рассматривается как свойство и состояние человека в его «падшем» бытии, а не как сущностная и смыслобразующая характеристика человеческого существования как такового. И.В. Вишев, отмечая *неатрибутивный* характер смерти, характеризует ее как «преходящее свойство, преходящее состояние, которое в принципе может быть устранено» [20: 324]. Смерть сохраняет свой характер действительности и необходимости до тех пор, пока человек *попустительствует* ей, пока он еще не осознал бессмертие в качестве своей *цели* и не сделал бессмертие своим *проектом*.

Н.Ф. Федоров полагал, что стремление человека к бессмертию органически вытекает из *осознания им своей смертности*. «Действие, происходящее из сознания смертности (ограниченности и временности), есть стремление к бессмертию» [12: 252]. На этой аксиоме, на этой исходной очевидности в конечном счете и основывается все здание его «проективной философии».

Все выявленные аспекты трактовки смерти в философии Н.Ф. Федорова являются *взаимосвязанными и взаимопроизводными*: человек смертен, поскольку он не способен поддерживать и возобновлять (воскрешать!) свое существование, поскольку он отдается на милость слепых природных стихий, не желая знать, что смерть есть всего лишь результат его *попустительства*. Смерть – это дефект, подлежащий исправлению, а не сущностная характеристика человеческого бытия как такового.

Подобная трактовка смерти в ее отношении к человеческому существованию ставит на повестку дня задачу активной борьбы со смертью, преодоления смерти. Смерть может и должна быть побеждена силами самого человека. «Задача, – писал Н.Ф. Федоров, – заключается в том, чтобы <...> самую природу, силы природы, обратить в орудие всеобщего воскрешения и через всеобщее воскрешение стать союзом бессмертных существ» [18: 87].

Многие ключевые положения философии общего дела находят свое дальнейшее развитие в современном трансгуманизме, в частности у А.В. Турчина. Задача достижения бессмертия, согласно Турчину, состоит в «устранении всех свойств смерти из жизни» [19]. Однако «устранение даже части свойств тоже отчасти реализует эту задачу» [19]. В той трактовке феномена смерти, которую разрабатывает А.В. Турчин, сохраняется возможность *частичной* победы над смертью, возможность проведения промежуточных градаций между «смертью» и «бессмертием», между состояниями смертного и бессмертного существования. Так, человек в ходе своей эволюции постоянно учится побеждать смерть. «Продолжительность жизни человека неуклонно росла. <...> И жизнь в целом, и человек нацелены на бессмертие» [19]. Бессмертие есть «победа над смертью во всех отношениях», это «устранение своей смерти, смерти других людей, старения, страдания и страха смерти». «Иначе говоря, это создание мира, в котором вообще смерти нет, а не только достижение личного бессмертия» [19]. Задача бессмертия шире, чем задача достижения неограниченной продолжительности жизни отдельного существа. У А.В. Турчина содержится еще одно важное утверждение относительно сущности бессмертия: «Знание о бессмертии – это всегда *предвосхищение* бессмертия, а не воспоминание о бесконечной прожитой жизни» [19] (курсив наш – И.Д.). Здесь мы видим явную перекличку с федоровской трактовкой бессмертия как *проекта*. Бессмертие – это проект, осуществимый и осуществляемый в человеческом бытии.

Важнейший пункт федоровского учения о бессмертии, в котором, пожалуй, наиболее отчетливо проявляется его расхождение с классической традицией философствования и, в то же время, с ортодоксальным христианством, – это различие бессмертия *дарового* (мнимого) и *трудового* (подлинного). «Дело <...> человека заключается в обращении всего рождающегося, само собою делающегося – производящегося, а потому и смертного – в трудовое и потому бессмертное» [18: 448]. Для Н.Ф. Федорова неприемлема точка зрения, согласно которой бессмертие принадлежит человеку «по праву рождения» [18: 404].

Оппозиция «трудовое – даровое» играет в философии Н.Ф. Федорова исключительно важную роль. Все, что человек может с достаточным основанием назвать *своим*, есть результат его труда. Вот почему биологический организм, полученный человеком «от

природы», не является в строгом смысле слова «человеческим». «Биологический организм», этот «дар» или «подарок» природы и/или Бога, суть *троянский конь*, это источник уязвимости, разрушимости, а, следовательно, *смертности* в человеческом бытии. Это та брешь, через которую смерть проникает в человеческое существование.

В христианстве и в некоторых других религиях бессмертие души есть *постулат и данность*. Идея бессмертия души вовсе не исключает физическую смерть человека, а, напротив, предполагает и санкционирует ее. Для Н.Ф. Федорова же и его последователей «бессмертие души» есть не *данность*, но *задание*. Бессмертие души (или личности) не гарантировано человеку трансцендентным Богом, но у человека есть возможность в своем бытии *обрести бессмертие как новое качество своего существования*. Бессмертие, доступное человеку, – это всегда потенциальное, не гарантированное бессмертие.

С идеей бессмертия связано радикальное переосмысление вопроса о сущности человека. В философии общего дела и в русском космизме в целом пересматривается базовая презумпция антично-христианской европейской культуры, согласно которой человек есть единство *смертного тела и бессмертной души*. Приведем в этой связи слова последователя Н.Ф. Федорова, одного из наиболее глубоких и оригинальных русских мыслителей двадцатого столетия, В.Н. Муравьева: «На самом деле в большинстве случаев, наоборот, тело бессмертно, тело воскреснет в разных формах – душа же смертна, ибо она не проделала подвига, необходимого для ее воскрешения <...>. Нельзя верить в безусловное спасение или безусловную гибель, но надо желать воскресения и прилагать все усилия, чтобы завоевать на него право» [21: 299]. Этот фрагмент четко выражает *деятельностную, активистскую установку* русских космистов в вопросе о спасении и/или бессмертии.

Стремление к бессмертию – это самое *естественное* и самое *исконное* движение человеческого существа, и именно в этом стремлении человек обретает свое подлинное достоинство. Но если это стремление движимо желанием *превосходства* над другими и мыслится как *привилегия избранных*, оно становится величайшим злом и, выражаясь религиозными терминами, величайшим *грехом* (в этой связи Н.Ф. Федоров анализирует ницшевскую идею «сверхчеловечества» [18: 135]).

Бессмертие не дано человеку по праву рождения, оно «дается ему не иначе, как по труду, как его следствие» [12: 329]. То, что человеку «дано», – это не само актуальное бессмертие, но его *возможность*. И от того, *как* человек распорядится этой возможностью, зависит не только его собственная судьба, но и судьба всей (неразумной) природы. «Личное бессмертие, – подчеркивают Ю.В. Олейников и А.А. Оносов, – не мыслится как единоличное, эгоистическое выживание “избранных” в череде социально-геологических катаклизмов. Личность вырабатывает бессмертную сущность только в результате общего дела. Его общность состоит в том, что цель здесь выражает общечеловеческую значимость бессмертия, призыва к нему каждого и не отказывая в вечной жизни никакому из “сынов человеческих”, а также в том, что бессмертие зарабатывается сообща, совместным трудом» [22: 89] (курсив Ю.В. Олейникова, А.А. Оносова – И.Д.).

В современном трансгуманизме и иммортиализме федоровская оппозиция «даровое – трудовое» приобретает несколько иные очертания. На первый план здесь выходит оппозиция *иллюзорного бессмертия* и *бессмертия практического*. А.В. Турчин полагает, что иллюзия бессмертия есть «главный враг любых исследований бессмертия» [19]. Суть этой глубоко укоренившейся иллюзии состоит в том, что человек склонен думать, будто он уже бессмертен, и таким образом избегать мыслей о смерти [19]. «Иллюзия бессмертия» создает ошибочное впечатление, будто различные проекты преодоления смерти не столько *нереализуемы*, сколько *бессмыслицы, излишни*.

Примечательно, что «иллюзия бессмертия», отвращающая человека от всяких попыток сделать свою природу (биологический субстрат) менее подверженной разрушению и смерти, всегда сопровождается попытками «оправдать» смерть, показать ее необходимость, неизбежность или даже ее благотворное влияние на социум и культуру [23]. А.В. Турчин называет такой образ мысли «стокгольмским синдромом»: «Защитной реакцией на знание о смерти является ее одобрение. Это своего рода стокгольмский синдром, когда заложник начинает любить своего захвачника. Нет никакой ценности в любых разговорах о том, что смерть нужна, полезна, приятна, – потому что у говорящих так нет иного выбора: дуло приставлено к их виску. Человек не может выбрать смерть, поскольку выбор подразумевает наличие альтернати-

вы» [19]. «Иллюзия бессмертия» и «стокгольмский синдром» – противоположные по своей направленности, но парадоксальным образом связанные друг с другом попытки человека оправдать свое преступное бездействие перед лицом смерти.

Философия Н.Ф. Федорова и современный трансгуманизм призывают человека не надеяться на «готовое» («даровое») бессмертие, ибо такое бессмертие может быть лишь *мнимым, иллюзорным*, и не оправдывать собственную инертность ссылками на «необходимость», «неизбежность» и благотворность смерти, но активно творить новые формы существования, более устойчивые к смертоносным природным стихиям.

Своеобразие русского космизма в целом и проективной философии Н.Ф. Федорова в частности состоит в том, что преодоление смерти и обретение бессмертия *впервые* полагается в качестве *проекта и цели* человеческого существования. В контексте классической философской традиции, идущей от Сократа и Платона, бессмертие понималось как *уже имеющееся* у нас (нашей «души») качество. Этот взгляд на бессмертие в значительной степени был унаследован и христианством (в том смысле, в котором христианство, говоря словами Ф. Ницше, есть «платонизм для масс»). В рамках же различных натуралистических и материалистических учений бессмертие разоблачалось в качестве *иллюзии*, психологически вполне понятной и даже необходимой, но от этого не менее ложной. Спор о бессмертии между религией, идеализмом, платонизмом, с одной стороны, и секулярным гуманизмом, материализмом, атеизмом, с другой, проходит красной нитью через всю историю новоевропейской культуры. Однако, как это ни парадоксально, в некоторых принципиальных моментах столь крайние, несовместимые друг с другом точки зрения сходятся. Так, ни в теистическом, ни в антропоцентристском и гуманистическом мировоззрении бессмертие не может быть осмыслено в качестве *проекта и цели*. Оба типа мировоззрения (религиозное и секулярное, гуманистическое) равно *санкционируют* смерть, точнее, *необходимость и неизбежность* смерти для всякого человека [24].

Итак, в русском космизме и в трансгуманизме бессмертие полагается в качестве человеческого проекта (сверхпроекта). Означает ли это, что бессмертие обречено *всегда* оставаться только проектом или же оно в определенном смысле может быть «реализовано»? Может ли бессмертие для человека/человечества пе-

рестать быть «только проектом» и стать «действительностью»? Этот вопрос не технический, но философский, так как ответ на него предполагает обращение к метафизике и философской антропологии.

Если бессмертие *всегда* потенциально, тогда оно есть только обманка или, в лучшем случае, *ориентир* наших действий (наподобие «морального идеала» в кантовской философии). Ориентир не может совпадать с целью наших устремлений. Однако помыслить бессмертие в качестве *действительности и факта* человеческого существования мы также не можем. Тем более мы не может дать содержательное описание этого «бессмертного существования», которое полагается в качестве достижимого в будущем. Философия, религия, наука и все прочие формы нашего самосознания рассматривают человека как *подверженного смерти, уязвимого, конечного, ограниченного*; о бессмертном, неподверженном смерти, *неуязвимом* существовании им сказать нечего. В этом смысле единственный путь уяснения существа бессмертия – это путь *апофатический*.

Неразрешимость этой дилеммы наводит на мысль, что, возможно, сам вопрос сформулирован не вполне корректно. Этот вопрос (может ли *бессмертие* стать *действительностью* или же оно всегда будет оставаться «только» *проектом*?) проистекает из превратного понимания соотношения между «проектом» (целью) и «действительностью». Бессмертие (бессмертное бытие), равно как и смертное существование, никогда не может быть простой *данностью*. Бессмертие – это всегда *выбор и решение*, которое всякий раз нужно возобновлять и подкреплять. Возможно, в этом и заключается главное философское «открытие» русского космизма и главный его «вклад» в философское осмысление проблемы сущности человека. Бессмертие – это своего рода «решение» и выбор *существующего* человека, а не награда за заслуги или простое «свойство» человеческой природы. Но и *смертность* в глубочайшем, предельном смысле – это тоже *выбор* человеческого существа, а не простая данность (свидетельство ущербности онтологического статуса человеческого существования).

Если классическая философская традиция утверждала, что человек есть тот, кто *знает* о своей смерти, то в космизме и в трангуманизме формируется новое понимание человека: *человек есть тот, кто стремится к бессмертию, к победе над смертью*.

Изначально, согласно своему онтологическому статусу, человек не смертен и не бессмертен. Человек *подвержен риску смерти*, но у него также есть возможность идти по пути обретения бессмертия. Точнее, именно потому, что человек подвержен риску смерти, именно потому, что смерть представляет собой *угрозу* (а не просто исходный и нередуцируемый факт), перед человеком открывается возможность встать на путь преодоления смерти.

Размывание, стирание границы между смертью и бессмертием является необходимой предпосылкой осмысления бессмертия в качестве проекта и цели. Здесь следует учесть, что, когда речь идет о *человеческом* бытии, само различие между количественными изменениями и качественными различиями релятивизируется, становится относительным. Достигаемое на пути к бессмертию расширение границ и возможностей человеческого существования и человеческой деятельности – это не просто *количественное* изменение, происходящее исключительно в эмпирической плоскости, это *также* и переход на новый уровень, обретение нового *качества* существования. Переход на новый уровень есть одновременно и *количественное*, и *качественное* изменение. Трансгуманистический проект кибернетического бессмертия следует понимать именно так: не как переход к какому-то новому «постчеловеческому» состоянию, где человека и всего человеческого уже не будет, а как переход на новый уровень именно *человеческого* существования, предполагающий принципиальное расширение границ и возможностей человеческой деятельности. Однако и сам этот переход, и его понятийная фиксация возможны лишь в том случае, если бессмертие *уже* осмыслено человеком в качестве *цели и проекта*.

Литература:

1. Демин И.В. Русский космизм в перспективе трансгуманизма. Самара: Глагол, 2014. – 208 с. (Demin I.V. Russian cosmism in the future of trans-humanism. Samara: Glagol, 2014. – 208 p.)
2. Пряхин В.Ф. Русский космизм и трансгуманизм // Приволжский научный вестник. 2012. № 8. С. 44-59. (Prjahin V.F. Russian cosmism and transhumanism // Privolzhskij nauchnyj vestnik. 2012. № 8. P. 44-59.)
3. Турчин А.В., Батин М.А. Футурология. ХХI век: бессмертие или глобальная катастрофа? М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. – 263 с. (Turchin A.V., Batin M.A. Futurologija. Futurology. ХХI century: immortality or a global catastrophe? M.: BINOM. Laboratorija znanij, 2013. – 263 p.)

4. Новая философская энциклопедия. В 4-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 2001. – 744 с. (The New Encyclopedia of Philosophy. In 4 vols. T. 1. M.: Mysl', 2001. – 744 p.)
5. Дубровский Д.И. Кибернетическое бессмертие. Фантастика или научная проблема? // Взгляд. 25 октября 2012. (Dubrovskij D.I. Cybernetic immortality. Fiction or scientific problem? // Vzgljad. 25 oktjabrja 2012.)
6. Дубровский Д.И. Природа человека, антропологический кризис и кибернетическое бессмертие // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: Издательство МБА, 2013. С. 237-253. (Dubrovskij D.I. The nature of man, anthropological crisis and cybernetic immortality // Global'noe budushhee 2045. Konvergentnye tehnologii (NBIKS) i transgumanisticheskaja jevoljucija. M.: Izdatel'stvo MBA, 2013. P. 237-253.)
7. Турчин В.Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е. М.: ЭТС, 2000. – 368 с. (Turchin V.F. The phenomenon of science: Cybernetic approach to evolution. Izd. 2-e. M.: JeTS, 2000. – 368 p.)
8. Демин И.В. «Кибернетическое бессмертие» и трансформация природы человека: дебиологизация или деантропологизация? // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 2 (15). С. 66-71. (Demin I.V. “Cyber immortality” and the transformation of human nature: debiologization or deanthropologization? // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. 2014. № 2(15). P. 66-71.)
9. Гнатик Е.Н. Идеи трансгуманизма в эпоху конвергентных технологий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2013. № 1. С. 117-127. (Gnatik E.N. Intentions of transhumanism in the convergent technologies era // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Filosofija. 2013. № 1. P. 117-127.)
10. Мищенко А.В. Апгрейд в сверхлюди. Технологическая гиперэволюция человека в XXI веке. Изд. 3-е. М.: Либроком, 2013. – 168 с. (Mishchenko A.V. Upgrade to supermen. Technological evolution of man in the XXI century. Izd. 3-e. M.: Librokom, 2013. – 168 p.)
11. Нестеров А.Ю. Трансгуманистические проекты: новации и риски // Человек. 2014. № 2. С. 181-184. (Nesterov A.Ju. Transhumanist projects: innovations and risks // Chelovek. 2014. № 2. P. 181-184.)
12. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. Том II. М.: Прогресс, 1995. – 544 с. (Fedorov N.F. Collected Works: The 4 vols. Vol. II. M.: Progress, 1995. – 544 p.)
13. Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2004. – 584 с. (Semenova S.G. Philosopher of the next century: Nikolai Fyodorov. M.: Pashkov dom, 2004. – 584 p.)
14. Федоров Н.Ф. Сочинения / Вступ. ст., прим. и сост. С.Г. Семеновой. М.: Мысль, 1982. – 711 с. (Fedorov N.F. Compositions. M.: Mysl', 1982. – 711 p.)
15. Демин И.В., Богданова Н.М. Трактовка природы в философии русского космизма // Идеи и идеалы. 2014. Т. 2. № 3 (21). С. 63-72. (Demin I.V., Bogdanova N.M. The interpretation of the nature in the philosophy of the Russian cosmism // Ideas and ideals. 2014. T. 2. № 3 (21). C. 63-72.)

- ophy of Russian cosmism // Idei i ideally. 2014. Т. 2. № 3(21). Р. 63-72.)
16. *Нестеров А.Ю., Демин И.В.* Идея бессмертия и проект «регуляции природы» в русском космизме и в трансгуманизме // Аспирантский вестник Поволжья. 2014. № 3-4. С. 29-32. (*Nesterov A.Ju., Demin I.V.* The idea of immortality and the project “the regulation of nature” in Russian cosmism and transhumanism // Aspirantskij vestnik Povolzh’ja. 2014. № 3-4. Р. 29-32.)
17. *Демин И.В.* Трактовка идеала в философии русского космизма // Аспирантский вестник Поволжья. 2013. № 7-8. С. 34-37. (*Demin I.V.* The interpretation of the ideal in philosophy of Russian cosmism // Aspirantskij vestnik Povolzh’ja. 2013. № 7-8. Р. 34-37.)
18. *Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений: В 4-х тт. Том I. М.: Прогресс, 1995. – 518 с. (*Fedorov N.F.* Collected Works: The 4 vols. Vol. I. M.: Progress, 1995. – 518 p.)
19. *Турчин А.В.* Обессмертии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.scribd.com/doc/33840325/%D0%9E-%D0%B1%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%B8> (дата обращения: 23.03.2015). (*Turchin A.V.* About immortality [Electronic resource]. Access mode: <http://ru.scribd.com/doc/33840325/%D0%9E-%D0%B1%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%B8> (date of the application: 23.03.2015).)
20. *Вишев И.В.* Философия общего дела Н.Ф. Федорова – предтеча современной концепции практического бессмертия человека // На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829–1903). М.: Пашков дом, 2004. С. 322-332. (*Vishev I.V.* Fedorov’s philosophy of the common cause as the forerunner of the modern concept of practical the human immortality // Na poroge grjadushhego. Pamjati Nikolaja Fedorovicha Fedorova (1829–1903). M.: Pashkov dom, 2004. P. 322-332.)
21. *Муравьев В.Н.* Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. М.: РОССПЭН, 1998. – 320 с. (*Murav’ev V.N.* Mastering time. Selected philosophical and journalistic works. M.: ROSSPJeN, 1998. – 320 p.)
22. *Олейников Ю.В., Оносов А.А.* Ноосферный проект социоприродной эволюции. М.: ИФ РАН, 1999. – 210 с. (*Olejnikov Ju.V., Onosov A.A.* Anthroposphere project of socio-natural evolution. M.: IF RAN, 1999. – 210 p.)
23. *Ламонт К.* Иллюзия бессмертия. М.: Политиздат, 1984. – 286 с. (*Lamont K.* The Illusion of Immortality. M.: Politizdat, 1984. – 286 p.)
24. *Демин И.В.* Бессмертие как проект: смерть и бессмертие человека в контексте гуманистического и трансгуманистического типов мировоззрения // Онтология проектирования. 2013. № 4(10). С. 7-17. (*Demin I.V.* Immortality as a project: death and immortality of man in the context of humanistic and transhumanist types of worldview// Ontologija projektirovanija. 2013. № 4(10). P. 7-17.)